

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.45 (091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-61-69

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ В РОССИИ: ПУБЛИЦИСТЫ «РУССКОГО СЛОВА» О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕРЕСЯХ

Архангельская Н.О.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются концепции видных философов, публицистов журнала «Русское слово» Д.И. Писарева и В.А. Зайцева о социальной сущности религиозных еретических движений в Средневековье. В.А. Зайцева интересовали выступления социальных низов в религиозной форме. А Д.И. Писарев видел в этих движениях развитие общественной мысли, ещё не отказавшейся от религиозной формы, но переживавшей подъём в результате позитивных хозяйственных изменений. Сделан вывод, что Д.И. Писарев и В.А. Зайцев рассматривали религиозные движения Средневековья, как выражения социальных интересов различных слоев общества, считая религиозную форму характерной для этого времени и обращая основное внимание на социальную сущность движений.

Ключевые слова: история религиоведения, ереси, Средние века, социальная сущность религиозных движений.

FROM THE HISTORY OF THE STUDY OF RELIGION IN RUSSIA: “RUSSKOE SLOVO” PUBLICISTS ABOUT MEDIEVAL HERESIES

N. Arkhangelskaya

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers the views of prominent Russian philosophers and publicists of the journal “The Russian Word” D.I. Pisarev and V.A. Zaitsev concerning social nature of medieval religious heretic movements. V.A. Zaitsev was interested in the low class unrest in a religious

form and D.I. Pisarev recognized in these riots the development of the public thought which had not yet discarded its religious outfit, but was on the rise stimulated by positive economic changes. It is concluded that D.I. Pisarev and V.A. Zaitsev considered religious movements of the Middle Ages as expressions of interests of different social strata in the form typical of the period, and paid special attention to the social nature of the movements.

Keywords: history of the study of religion, heresy, the Middle Ages, the social nature of religious movements.

Цель статьи – рассмотреть религиозные идеи сотрудников журнала «Русское слово» Д.И. Писарева и В.А. Зайцева и выявить оценку ими социальной сущности религиозных движений. Задачи: 1) рассмотреть взгляды Писарева и Зайцева на социальные основы религиозных движений средневековья; 2) подчеркнуть специфику позиций Писарева и Зайцева в оценке средневековых ересей.

Вопрос оценки сущности религиозных движений публицистами «Русского слова» практически не привлекал внимания исследователей. В то же время он заслуживает рассмотрения, поскольку не только историки занимались этой проблемой, столь же значителен вклад русских мыслителей-материалистов. Причиной интереса к этим вопросам были политическая ситуация в стране, стремление представить свою интерпретацию исторических событий, поскольку история традиционно является ареной борьбы различных социально-политических сил. При этом позиция материалистов отличалась от концепций большинства их русских современников более глубоким пониманием социальной сущности религиозных движений. Рассматривали эти проблемы и публицисты «Русского слова» Д.И. Писарев и В.А. Зайцев. Среди непосредственных их предшественников были русские историки Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев.

Общим для Т.Н. Грановского и публицистов «Русского слова» было стремление выявить конкретное социальное содержание религиозных движений, при этом подход каждого отличался рядом особенностей. Это тем более заметно, что опирались они зачастую на одни и те же сочинения. Грановский обращался к сочинению В. Циммермана об истории крестьянской войны в Германии, а Зайцев редактировал перевод этого сочинения.

В.А. Зайцев (1842 – 1882) постоянно подчёркивал воплотившуюся в религиозной форме мечту о социальном равенстве, проявившуюся в первоначальном христианстве и в ряде еретических движений. Своё видение проблемы он изложил в первой (исторической) части книги «Отщепенцы», вышедшей в 1866 г. (Автор книги – Н.В. Соколов, но, как выяснил историк Б.П. Козьмин, Соколов писал вторую часть книги, а первая часть была написана его другом В.А. Зайцевым) [2, с. 377–378]. Своеобразие подхода Зайцева к истории подчёркивают современные исследователи: «Достаточно беглого взгляда на заголовки его работ, чтобы убедиться в том, что тема революции была для Зайцева одной из самых важных и значимых в его творчестве» [1, с. 31].

Этим определялось и отношение к религиозным движениям. Публициста интересовали лишь те из них, в кото-

рых выразился протест против эксплуатации и угнетения. Раннее христианство понимается им как выражение народного стихийного коммунизма. Причина гонений на первых христиан – последовательное отрицание ими всех устоев римской жизни, главным образом, частной собственности и социального неравенства. При этом Зайцев подчеркивал, что «в политическом отношении проповедь евангелия была неопасна могуществу цезарей» и «христиане были люди мирные не замышлявшие никаких заговоров» [6, с. 188]. Т. е. обращается внимание на пассивный характер протеста, тем не менее этот протест приводил в негодование определенные круги римского общества. Язычники были похожи, по мнению Зайцева, на либералов XIX в. и не видели возможности жить без государства, права, полиции, но особенно они боялись тех, кто отвергает богатство и прибыль, приписывая своим противникам желание обречь людей на нищету и варварство, а также всевозможные пороки и преступления. В такой трактовке ясно видно стремление связать картину прошлого «со злобой дня», представить либералов и революционеров XIX в. как наследников традиций, уходящих в глубину веков, что является продолжением линии, восходящей к А.И. Герцену, неоднократно подчеркивавшему общность ряда идей первых христиан и социалистов XIX в.

Протест против эксплуатации Зайцев видел во многих еретических движениях средневековья, причём стремился объяснить, почему недовольство крестьян и горожан проявлялось в религиозной форме. «В церкви была в то время сосредоточена вся духовная жизнь общества <...> вот поче-

му протест против нового мира вышел из церкви и <...> обратился против неё. Отщепенцы от общества были, прежде всего, сектантами, еретиками» [6, с. 202]. Подчеркивается ещё одна особенность народных еретических движений – они возвращаются к уравнительным тенденциям первоначального христианства. «Нам обещали, что не будет ни рабства, ни лихоимства, – говорили люди и обвиняли церковь в подлоге и в ереси» [6, с. 202].

Главной особенностью многих ересей, подчеркивает Зайцев, был отказ от собственности. «Лионские бедняки не имели собственности, ни пристанища, они ходили всюду, проповедуя правила чистого христианства». Эта же черта характерна для ряда позднейших сект, к числу которых Зайцев относит английских лоллардов, Уиклифа, божемских ионитов и таборитов [6, с. 209–210]. Причина живучести еретических идей, неоднократно осужденных церковью, была в том, что народные массы на протяжении многих столетий боролись за свои права.

Специфика ересей заключалась в том, что за разногласиями по проблемам вероучения и культа скрывались разногласия по вопросам общественного устройства – именно это, по мнению Зайцева, было причиной живучести ересей. «Двенадцать веков один за другим безостановочно поднимались эти протесты <...> Что же касается внешней формы то, конечно, спор шёл большей частью о таких пустяках, что ожесточение, с которым одни преследовали, а другие упорствовали, будет совершенно непонятно, если за этой мелочной внешностью не видеть серьезного социального содержания» [6, с. 202–203].

В этом фрагменте видны все основные черты подхода Зайцева к проблеме сущности религиозных движений. Во-первых, его интересовали только те из них, которые связаны с представлениями народных масс о том, каким должно быть общество. Во-вторых, он постоянно подчёркивал, что идея социальной справедливости продолжала существовать, несмотря на то, что народные движения жестоко подавлялись. В-третьих, с точки зрения Зайцева, религиозная форма была лишь способом выражения социально-политических интересов масс, их протеста против эксплуатации. И несомненной заслугой Зайцева была постановка проблемы связи формы и содержания религиозных движений. Он обращает внимание на то, что форма выражения взглядов может оказывать влияние на характер движения, – например, первые христиане ограничивались пассивным неприятием ценностей римского общества.

В отличие от Зайцева, Д.И. Писарев (1840–1868) рассматривал не только те учения, в которых проявлялись уравнивательные тенденции и мечта об обществе без эксплуатации; круг его интересов был гораздо шире, и, в частности, его занимала одна из проблем – развитие европейской мысли в средневековье. Характерным для Писарева было утверждение, что основным фактором, приводящим к развитию мысли, является жизнь, поэтому основной причиной, вызвавшей упадок светской культуры в период раннего Средневековья, называется спад хозяйственной жизни, а её подъем привел к подъему культуры.

Вследствие этого причины господства религиозного мировоззрения Пи-

сарев видел, во-первых, в социальных бедствиях, которые обрушились на Европу в раннем Средневековье и привели к росту власти пап, во-вторых, в той политике, которую проводили папы и короли, насильственно крестившие подданных, в-третьих, в упадке научных знаний и падении уровня грамотности [4, с. 381–386; 390]. Позднее ситуация изменилась. «Начиная с XII века, а быть может и гораздо раньше, мы замечаем постоянно возрастающий разлад между клириками и мирянами, между католической церковью и гражданским обществом» [5, с. 74]. Один из симптомов процесса – распространение ересей, поэтому именно ересям XII–XIII вв. уделено гораздо больше внимания, чем остальным. Разумеется, здесь нет учения о социальных корнях религии, и на рост религиозности в периоды бедствий указывали ещё некоторые из просветителей, но характерно само стремление объяснить распространение идей из создавшейся социальной ситуации, а не наоборот. Подобное понимание – шаг вперед по сравнению с Грановским: Писарев не просто отмечал связь религиозных течений с интересами определенных слоёв, но стремился определить социальные факторы, влияющие на рост и уменьшение религиозности.

Писарев очень внимательно подходил к вопросу о том, какие конкретно социальные силы стояли за тем или иным религиозным учением, и каковы были условия его появления и существования. Религиозная власть находилась в руках того же класса, которому принадлежала власть экономическая и политическая. «Кто управлял делами государства, тот был верховным судьей и в области верований. Истол-

кование доктрины находилось в руках того самого класса, который пользовался плодами завоеваний и извлекал себе личную выгоду из обязательного труда» [3, с. 109]. И хотя это положение сформулировано применительно к политеистической религии, весь фактический материал, приводимый Писаревым, свидетельствует, что оно распространялось и на христианство. Оппозиционные социальные силы, имея в своих руках церковного аппарата, тоже выдвигали свои требования в религиозной форме – таким образом, возникали ереси.

Писарев подчеркивал, что социальная и политическая борьба в средневековом обществе часто велась под религиозными лозунгами. При этом сходство формы не препятствовало проявлению в ней самого различного содержания, и в этом господстве религиозной формы выражения своих взглядов заключается особенность средневековой мысли. «Все враждующие элементы средневекового общества стояли на почве одной общей доктрины, которая для всех была обязательна и ненарушима. Интересы у всех враждующих элементов были, напротив того, различны или, вернее, взаимно противоположны. Задача каждой воюющей стороны состояла в том, чтобы ссылками на общеобязательную доктрину оправдать свои собственные притязания и опровергнуть притязания противников» [3, с. 171].

Ереси Писарев рассматривал не только как проявление политических разногласий с папством, предшествующих появлению протестантизма, но и как проявление вольнодумства, которое способствовало развитию европейской мысли. Он отмечал, что

теологические споры не представляют особого интереса, но могут рассматриваться как «барометрическое показание на положение умственной погоды» [4, с. 414]. Поэтому, в отличие от Зайцева, Писарев интересовался любыми проявлениями политического и идейного разногласия с Римом. Самостоятельные размышления над вопросами жизни и религии способствовали обращению от теологии к земным проблемам и были основой, на которую опирается всё последующее развитие европейской мысли.

Ереси составляли лишь часть движения общественной мысли, одну из сторон мировоззрения средневекового общества. Другой было распространение светской культуры. Жизнь заставляет человека вступать в конфликт с учением церкви, с принижением ценности земных радостей, труда, знаний. Не случайно изменение мировоззрения при переходе от Средневековья к Возрождению, по мнению Писарева, началось с того, что человек заявил: «Я хочу жить» – и поставил перед собой задачу устранить всё то, что ему мешает жить. Таким образом, в данном случае жизнь, бытие людей выступают на первый план при объяснении изменений, происходивших в сознании. Эта мысль проводится Писаревым во многих статьях и может рассматриваться как элемент материалистического понимания жизни общества. Положение, что идеи порождены интересами определенных социальных групп, было четко сформулировано им впоследствии в статье «Популяризаторы отрицательных доктрин» (Интересный анализ взглядов Писарева, в т. ч. и трактовки им понятия «знание» содержится в книге Цыбенко) [7].

При этом развитие светской культуры и распространение ересей, по мнению Писарева, были взаимосвязаны, что показывается на примере Южной Франции. Следует отметить, что главным фактором развития духовной культуры южной Франции называется расцвет городов, рост достатка горожан. В светской культуре, в частности, в поэзии трубадуров, «первый раз во время классической древности выразилась свежая могучая, неистребимая любовь человека к жизни» [4, с. 398]. И с этого начиналось пробуждение человеческой мысли, поскольку человек осознал своё право размышлять обо всех вопросах. А подобного рода размышления приводили к выводам, не совпадающим с точкой зрения церкви, и к свободомыслию по отношению к религии.

Другой стороной культурных изменений было распространение учения альбигойцев. Причиной его также было стремление людей мыслить самостоятельно. «Достаточные горожане умели читать и писать и обнаруживали склонность к умственным занятиям. Многие из них читали Библию и углублялись в серьезные размышления <...> о противоречии, существующем между образом жизни духовных лиц и точным смыслом евангелического учения» [4, с. 423–424]. Писарев перечисляет основные положения учения альбигойцев: отрицание церковных богатств, индульгенций, чистилища, требования перевести Библию на народный язык; а потом делает вывод: «реформа Лютера по своей идее была уже готова в XII столетии» [4, с. 424]. Эти слова могут быть истолкованы как признание того, что по своей социальной сущности эти явления родствен-

ны. И в том, и в другом случае речь идёт о выражении интересов горожан, поэтому близость выдвигаемых требований не была случайной.

Как учение альбигойцев, так и развитие светской культуры расходились с учением католической церкви, и это, по мнению Писарева, было не случайно: в основе их лежали не частности, а принципиально отличный от церковного взгляд на мир и место человека в нём, на сущность человеческой жизни; столкновение двух позиций становилось неизбежным. «Лучшие представители католического принципа <...> ненавидели мир, хотели увести за собой все человечество в монастырь <...> и превращали совершенно сознательно свою жизнь в медленное самоубийство. Миряне, напротив того, хотели жить в свое удовольствие <...>» [5, с. 89–90]. При этом взгляды мирян зачастую выражали представители духовенства, и Писарев особо отмечает богослова Вильгельма, утверждавшего, что «труд есть назначение человека; это закон, который дал ему Бог... без труда человечество погибнет» [5, с. 91]. Подчеркивается, что в религиозной форме обсуждалась важнейшая общественная проблема – отношение к труду и к самой жизни, причём точку зрения мирян выражает ученый-богослов, ссылаясь на божественную волю, а это вновь заставляло читателя статьи задуматься над соотношением религиозной формы учения и его содержания, провозглашавшего ценность труда. Сам пример выбран отнюдь не случайно, этот спор привлёк внимание Писарева, так как он постоянно подчеркивал решающую роль труда в обществе.

В понимании сущности движения альбигойцев видно различие в трактов-

ке проблемы между «Всемирной историей» немецкого историка Ф. Шлосера, использованной как источник, и Писаревской статьей. Шлосер называет следующую причину распространения ереси: «пробудилось общее отвращение к искаженному католицизмом христианству и почувствовалась настоятельная потребность реформы культа и перевода Библии на отечественный язык, а вследствие того возникла страшная борьба с церковью...» [8, с. 235]. Характерная черта сочинения Шлосера – стремление рассматривать расхождения между официальной церковью и оппозиционными учениями как причину последовавших социальных конфликтов. Например, о гуситском движении говорится, что после констанцского собора «чехи сделали непримиримыми врагами немецкой нации, её религии, цивилизации и всего императорского дома» [9, с. 167]. До этого говорилось лишь о расхождении взглядов ряда проповедников в Чехии с католицизмом, а не о национальных и социальных проблемах. Получается, что религиозные разногласия приводили к социальным. Писарев, Зайцев (а также Грановский) придерживались противоположной позиции: социальные и национальные конфликты приобретают форму религиозных. Следует отметить, что эта позиция давала возможность рассматривать средневековые конфликты по существу, не ограничиваясь только лишь их формой. Более того, стремление из реальной общественно-экономической ситуации объяснить мировоззренческие вопросы открывало дорогу материалистическому истолкованию истории.

Можно сделать вывод: особенностью подхода Писарева и Зайцева к

трактровке религиозного сектантства был отказ от оценки его только как заблуждения. Сектантство, по их мнению, это особенность такого общества, в котором, в силу господства религиозного мировоззрения, все социальные группы выражали свои взгляды в религиозной форме. Поэтому необходимо дать анализ не формы выражения идей, а их социальной сущности. Писарев и Зайцев приходят к выводу, что еретические учения являются своеобразной формой развития человеческой мысли, во многих из них воплощается мечта тружеников об обществе без эксплуатации, а также выдвигаются идеи, составившие позднее часть учения протестантизма. Эти выводы представляют собой шаг вперед в религиозно-исследовательских исследованиях в России. При этом Д.И. Писарев, главным образом, подчеркивал в этих движениях развитие оппозиционной мысли, ещё не отказавшейся от религиозной формы. В.А. Зайцева интересовали выступления социальных низов, приобретавшие религиозную форму.

В заключение следует подчеркнуть, что изучение социальной сущности религиозных движений Средневековья в середине XIX в. шло в ряде стран, в том числе и в России. Русские исследователи рассмотрели ряд особенностей еретических объединений и пришли к важным религиозно-исследовательским выводам. Грановский и публицисты «Русского слова» противопоставляли упрощенной трактровке ересей как простого недовольства злоупотреблениями папства намного более глубокое понимание социальной обусловленности религиозных воззрений, вскрывали социальные основы религиозных движений, производили пересмотр про-

светительской концепции религии, что давало возможность более глубокого анализа истории, понимания сущности современных социальных движений, имевших религиозную форму. Они подчеркивали, что религиозные учения соответствовали интересам определенных общественных групп и поэтому получали их поддержку. Тем самым, был сделан большой шаг вперед в научном анализе сущности религии. Следует отметить, что в западноевропейской мысли подобный переход происходил примерно в то же время или лишь немногим раньше (В. Циммерман в 1841–1843 гг., Ф. Энгельс в 1850 г.). Анализ сущности еретических движений Средневековья, данный Ф. Энгельсом в работе «Крестьянская война в Германии»

был более глубоким. Энгельс не ограничился указанием на связь различных течений протестантизма с интересами определенных социальных групп. Он показывал, как еретические движения, однородные в ранний период, делятся затем на бюргерские и плебейские, а также глубже осветил вопросы о причинах, приведших к господству религиозной формы выражения недовольства социальных низов, о связи формы и содержания в их взглядах и ряд других. Тем не менее, можно сказать, что прогрессивная русская религиозоведческая мысль одновременно с европейским религиозоведением приходила к новой интерпретации социальной сущности религиозных движений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андронов Ю.В., Богданов А.В., Ермашов Д.В. Русский нигилизм / «Труженик мысли и вечный пролетарий»: жизнь и идеи В.А. Зайцева // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: В.А. Зайцев / под ред. А.А. Ширинянца; сост. Ю.В. Андронов, А.В. Воробьев, Д.В. Ермашов. М.: Издатель Воробьев А.В., 2000. С. 22–37.
2. Козьмин Б.П. Литература и история. М.: Художественная литература, 1982. 510 с.
3. Писарев Д.И. Исторические идеи Огюста Конта // Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 8. М.: Наука, 2004. С. 71–204.
4. Писарев Д.И. Историческое развитие европейской мысли / Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 6. М.: Наука, 2003. С. 356–427.
5. Писарев Д.И. Перелом в умственной жизни средневековой Европы // Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. М.: Наука, 2003. С. 40–100.
6. Соколов Н.В. Отщепенцы // Шестидесятники: сб. ист. публ. писателей 60-х гг. XIX в. об истории рус. рев.-демокр. печати. / сост., вступ. ст. Ф.Ф. Кузнецов; примеч. В.С. Лысенко. М.: Советская Россия, 1984. С. 166–304.
7. Цыбенко В.А. Мирозозрение Д.И. Писарева. М.: Изд-во Московского университета, 1969. 352 с.
8. Шлоссер Ф. Всемирная история: в 8 т. Т. 7. СПб., 1863. 449 с.
9. Шлоссер Ф. Всемирная история: в 8 т. Т. 8. СПб., 1863. 582 с.

REFERENCES:

1. Andronov Yu.V., Bogdanov A.V., Ermashov D.V. Russkii nihilizm / «Truzhenik mysli i vechnyi proletarii»: zhizn' i idei V.A. Zaitseva [Russian nihilism / “The worker of thought and eternal proletarian”: the life and ideas of Vladimir Zaitsev] // Russkaya sotsial'no-politicheskaya mys' XIX – nachala XX veka V.A. Zaytsev / [Russian socio-political thought of the 19th – early 20th century V.A. Zaytsev] / ed. by A.A. Sirimanna; comp. V. Andronov, A.V. Vorob'ev]

- М., Izdatel' Vorob'ev A.V, 2000, pp. 22–37
2. Koz'min B.P. Literatura i istoriya [Literature and history] М., Khudozhestvennaya literatura, 1982. 510 p.
  3. Pisarev D.I. Istoricheskie idei Ogyusta Konta [Historical ideas of Auguste Comte] / Pisarev D.I. Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 12 t. T. 8 [Collected works and letters in 12 v. Vol. 8]. М., Nauka, 2004. Pp. 71–204.
  4. Pisarev D.I. Istoricheskoe razvitie evropeiskoi mysli [The historical development of the European thought] / Pisarev D.I. Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 12 t. T. 6. / Pisarev D.I. Complete works and letters in 12 v. Vol. 6] М., Nauka, 2003, pp. 356–427.
  5. Pisarev D.I. Perelom v umstvennoi zhizni srednevekovoi Evropy [The turning point in the intellectual life of Medieval Europe] / Pisarev D.I. Polnoe sobranie sochinenii i pisem. T. 7 [Collected works and letters. Vol. 7]. Pp. 40–100.
  6. Sokolov N.V. Otshchepentsy [Renegades] // Shestidesyatniki: sb. ist. publ. pisatelei 60-kh godov XIX veka ob istorii rus. rev.-demokr. pečati / sost., vstup. st. F.F. Kuznetsov; primech. V.S. Lysenko [The sixties: collected works of historical publicists of the 1860s on the history of the Russian rev.-democratic print. / comp., ed. introd. article by F.F. Kuznetsov; note. V.S. Lysenko]. М., Sovetskaya Rossiya, 1984. pp. 166–304.
  7. Tsybenko V.A. Mirovozzrenie D.I. Pisareva [D.I. Pisarev's Outlook]. М.: Izd-vo Moskovskogo University, 1969. 352 p.
  8. Shlosser F. Vsemirnaya istoriya: v 8 t. T. 7 [The World History: in 8 v. Vol. 7]. SPb., 1863. 449 p.
  9. Shlosser F. Vsemirnaya istoriya: v 8 t. T. 8 [The World History: in 8 v. Vol. 8]. SPb., 1863. 582 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архангельская Наталья Олеговна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: Narhan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia Arkhangel'skaya – Ph.D. in Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Philosophy at Moscow Region State University;
e-mail: Narhan@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Архангельская Н.О. Из истории религиоведения в России: публицисты «Русского слова» о средневековых ересях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки, 2017. № 1. С. 61-69.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-61-69

CORRECT REFERENCE

N. Arkhangel'skaya From the History of the Study of Religion in Russia: “Russkoe Slovo” Publicists about Medieval Heresies // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy, 2017, no. 1, pp. 61-69.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-61-69